

исследователи и изобретатели думали главным образом об освобождении человечества, и если бы Уатт, Стефенсон или Жаккар (изобретатели паровой машины, паровоза и ткацкого станка) могли предвидеть, до какой нужды доведут рабочего результаты их бессонных ночей, они, вероятно, сожгли все свои планы и изломали бы свои модели.

Также ложен и другой существенный принцип политической экономии, а именно молчаливо подразумеваемая мысль, что если в некоторых отраслях промышленности и бывает часто перепроизводство, то, вообще говоря, общество никогда не будет обладать достаточным количеством продуктов, чтобы удовлетворить потребности всех; что поэтому никогда не придет такое время, когда никто не будет вынужден продавать свою рабочую силу за заработную плату. Молчаливое признание этого лежит в основе всех теорий, всех так называемых «законов», которым нас учат экономисты.

А между тем нет сомнения, что как только какое-нибудь образованное общество поставит себе вопрос о том, каковы потребности всех и каковы средства для их удовлетворения, оно увидит, что как в промышленности, так и в земледелии есть полная возможность удовлетворить все потребности, если только умело приложить выработанные уже средства к удовлетворению потребностей, действительно существующих.

Что это верно по отношению к промышленности, никто не станет этого отрицать. Достаточно присмотреться к способам производства в крупных промышленных предприятиях для извлечения угля и руды, для получения и обработки стали, для производства различных частей одежды и т. п., чтобы убедиться, что по отношению к продуктам мануфактур, заводов и угольных копей никакого сомнения быть не может. Мы могли бы уже теперь увеличить наше производство в несколько раз и притом сберечь еще на сумме потраченного труда.

Но мы идем еще дальше. Мы утверждаем, что в том же положении находится и земледелие; что земледелец, как и промышленник, уже имеет в руках средства, чтобы увеличить свое производство пищевых продуктов вчетверо, если не вдесятеро; и что он сможет это сделать сейчас же, как только почувствует в этом надобность. Учетверить производство хлеба, овощей, фруктов можно в год или в два, как только труд станет общественным вместо капиталистического.

Когда говорят о земледелии, то при этом всегда представляют себе крестьянина, согнувшегося над плугом, наугад бросающего в землю зерно плохого качества и с тревогой ожидающего, что даст ему хороший или плохой год; думают всегда о крестьянской семье, работающей с утра до вечера и получающей в виде вознаграждения лишь плохую избу или хижину, хлеб да квас, - одним словом, представляют себе все того же «дикого зверя», которого Ла-Брюер описал в прошлом столетии¹.

Самое большее, чего желают для этого забитого нуждой человека, - это некоторое облегчение платимых им налогов или уменьшение аренды, которую он платит за землю. Никто даже не решается себе представить такого крестьянина, который выпрямил бы наконец свою спину, пользовался бы досугом и производил бы в несколько часов в день все, что нужно для прокормления не только его семьи, но по крайней мере еще сотни человек. Даже в самых смелых своих мечтах социалисты не решаются идти дальше американского крупного фермерства, которое в действительности представляет лишь детское развитие настоящего земледелия; или же - повторяя устарелые утопии Бабефа и Консидерана - воображают «армии труда», согнанные начальством на теперешние же поля.

¹ См.: Лабрюйер Ж. Характеры или нравы этого века (глава «О человеке»). СПб., 1890. С. 255.